

Т. И. ЮСУПОВА

Ц. Ж. ЖАМЦАРАНО – УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛИИ

Статья посвящена Ц. Ж. Жамцарано – ученому, политику, организатору науки в Монголии, человеку драматической судьбы. Представитель петербургской школы востоковедения, ученик и близкий друг неперемного секретаря РАН академика С. Ф. Ольденбурга, по совету последнего он инициировал создание первого научного учреждения Монголии – Ученого комитета. В своей работе в качестве его ученого секретаря Жамцарано ориентировался на опыт РАН, используя советы и поддержку Ольденбурга. На этой должности в полной мере проявились все незаурядные черты Жамцарано как личности и ученого. Его имя тесно связано с созданием Монгольской комиссии Академии наук, с установлением российско-монгольского научного сотрудничества. Однако его научно-организационная деятельность по ряду причин еще не нашла должного освещения в трудах российских и монгольских историков науки. В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые направления работы Жамцарано в 1920-х гг. по налаживанию взаимодействия Ученого комитета Монголии с РАН (АН СССР).

Ключевые слова: Ц. Ж. Жамцарано, С. Ф. Ольденбург, Ученый комитет Монголии, Российская академия наук, установление научного сотрудничества.

За последние годы большие перемены произошли в духовной жизни монголов [...] За всем этим стоит неустанная деятельность ученого секретаря Монгольского научного комитета доктора Ц. Жамцарано.

Ю. Н. Перух (1927) ¹

В этом году исполнилось 50 лет с момента создания Академии наук Монголии ² и 90 лет ее предшественнику, первому научному учреждению страны, Ученому комитету. В истории создания и развертывания деятельности Учкома особое место принадлежит его ученому секретарю Ц. Ж. Жамцарано. Яркая, неординарная личность, видный общественный и политический деятель, он внес значительный вклад в институционализацию европейской

¹ Перух Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 133.

² Об истории Академии наук Монголии см.: Ширендыб Б. Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981; Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх (History of Mongolian Academy of Sciences) / Ред. А. Очир, Б. Чадраа. Улаанбаатар, 2002. В 2003 г. Министерство образования, культуры и науки Монголии приняло решение о подготовке 108-томного издания по истории монгольской науки (по персоналиям и отраслям знания) под общим названием «Монголын шинжлэх ухаан» («Монгольская наука»). Уже опубликовано около 40 томов.

науки в Монголии, в установление сотрудничества с Российской академией наук. Жамцарано связывали тесные, доверительные отношения с неперменным секретарем РАН академиком С. Ф. Ольденбургом, которого он почитал как своего учителя и покровителя. Сергей Федорович, по мнению академика В. М. Алексеева, воспитал его научно, выработал из него «очень сильного и серьезного научного деятеля»³. Как исследователь Жамцарано вписал яркую страницу в изучение фольклора, истории и культуры монгольских народов, в монгольское источниковедение⁴.

О Жамцарано существует довольно обширная литература, в которой подробно рассмотрены его жизнь и научные достижения. Однако его деятельность на посту ученого секретаря и одного из организаторов науки в Монголии изучена еще далеко не полностью. Одной из причин отсутствия, в частности, российских исследований по этой теме является, на наш взгляд, сложность работы с документами Ученого комитета 1920–1930-х гг., в которых использовалось старомонгольское письмо. В данной статье предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел и познакомить российских историков науки с Жамцарано и его вкладом в установление и координацию сотрудничества с Российской академией наук.

Цыбен Жамцаранович Жамцарано (по-монгольски Жамсраны Цэвээн⁵, 1880–1942) – бурят, русский подданный (до 1924 г.)⁶, закончил в 1900 г. Иркутскую учительскую семинарию и при материальной поддержке своих земляков стал вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, который, правда, не окончил, но получил прочные и разнообразные знания на юридическом, физико-математическом и историко-филологическом факультетах. Он знал не только бурятский, монгольский, калмыцкий языки, их

³ Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы / Сост. М. В. Баньковская. М., 1982. С. 15.

⁴ О Жамцарано см., например: Улымжиев Д. Б., Цыцегма Ж. Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931). Улан-Удэ, 1999; Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. 1998. Вып. 2–3. С. 5–55 (на с. 90–92 приведена библиография основных работ Жамцарано); Кульганек И. В., Васильев Д. Д. С. А. Кондратьев – Ц. Жамцарано // Mongolica-IV. Сб. статей / Сост. И. В. Кульганек. СПб., 1998. С. 106–112; Выдающиеся бурятские деятели XVII – начала XX вв. / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов. Улан-Удэ, 1994. Вып. 1. С. 108–115; Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию Ц. Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991; Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010. Западные ученые также высоко ценят Жамцарано как одного из крупнейших монголоведов и одновременно отдают должное его общественной, политической и научно-организационной деятельности. См.: Гольман М. И. Ц. Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию Ц. Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 81–83; Ripen, A. Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1940) // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. No. 1/2, P. 126–144 (приведена библиография работ); Poppe, N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. P. 87; Baabar, B. History of Mongolia. Cambridge, 1999.

⁵ В английской транскрипции используется несколько написаний его имени: *Cyben Zamcarano* (*Zhamtsarano*), *Tsyben Jamtsarano* (*Jamsrano*), *Tseveen*.

⁶ В соответствии с «Положением о гражданстве СССР» 1924 г. и учитывая свои высокие государственные должности в МНР Жамцарано принял монгольское гражданство. Вынужденный вернуться в 1932 г. в СССР, он оставался монгольским гражданином и имел специальный вид на жительство для иностранца.

*Цыбен Жамцаранович Жамцарано
(1880–1942). Монголия, 1920-е гг.*

диалекты и наречия, но и тибетский, французский, немецкий, прекрасно говорил по-русски.

Н. К. Рерих, вспоминая свое пребывание в Улан-Баторе в 1926–1927 гг., писал: «Я всегда испытывал истинное наслаждение, беседуя с доктором Жамцарано, ученым секретарем Учкома, человеком обаятельным и глубоко эрудированным»⁷. Высоко отзывался о его знаниях и большой организаторской работе находившийся в это время в Монголии путешественник П. К. Козлов⁸. Именно общение с Жамцарано стало одним из важнейших мотивов, побудивших его принять решение о начале раскопок гуннских могильников в горах Ноин-Ула, результатом которых стало выдающееся археологическое открытие.

В Петербурге Жамцарано тесно общался с известными востоковедами С. Ф. Ольденбургом, Б. Я. Владимирцовым, В. В. Бартольдом, В. Л. Котвичем, А. Д. Рудневым, Д. А. Клемен-

цом, финским монголоведом Г. И. Рамstedтом, Ф. И. Щербатским и др., с которыми долгие годы его связывали дружеские отношения. С 1903 г. он активно занимался экспедиционной деятельностью, собирая лингвистические, фольклорные, этнографические материалы, касающиеся монгольских народов (к этой этнической группе относятся также буряты и калмыки), проводя собственные научные исследования и выполняя поручения Академии наук, Русского географического общества, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, Этнографического отдела Русского музея.

Но не только научная деятельность интересовала молодого бурята. Он участвовал в студенческих политических акциях, проводимых в университете, за что в 1911 г. был выслан из Петербурга с запрещением проживания в крупных городах Российской империи⁹. В 1911–1917 гг. по приглашению правительства Богдо-гэгэна¹⁰ Жамцарано работал в Монголии, служил старшим переводчиком при Министерстве иностранных дел, был советником по делам

⁷ Цит. по: *Найдакова В. Ц.* Н. К. Рерих и Ц. Ж. Жамцарано. Встречи в Улан-Баторе // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность... С. 86.

⁸ *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев. СПб., 2003.

⁹ *Решетов.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано... С. 15.

¹⁰ Титул главы ламаистской церкви в Монголии. После объявления независимости Монголии последний, восьмой, Богдо-гэгэн Чжебцундамба-хутухта (1870–1924) стал ее теократическим правителем. После Монгольской народной революции 1921 г. он был монархом с ог-

образования и культуры, преподавал в первой в Монголии светской школе, инициировал издание на монгольском языке журнала «Шинэ толи» («Новое зеркало») и газеты «Нэйслэл хурээний сонин бичиг» («Столичные новости»). В своей автобиографии он писал:

Еще после первой русской революции, приблизительно около 1906–1907 гг., зародилась у меня мысль заняться популяризацией научных знаний среди монгольских племен. С 1911–1912 гг. начинается моя культурно-просветительная работа в Монголии, в Урге ¹¹.

Опубликованные в журнале научно-популярные статьи, автором многих из которых был сам Жамцарано, представляли собой изложение на монгольском языке в простой и доступной форме идей Н. Коперника и Г. Галилея, понятий о гелиоцентрической системе строения мира, об успехах естественных наук, географических открытиях. Газета освещала вопросы текущей политической жизни Монголии, задачи культурного и экономического возрождения монгольского народа ¹².

После Февральской революции Жамцарано вернулся в Бурятию, где занимался общественно-политической деятельностью. В советской власти его привлекала прежде всего идея о праве наций на самоопределение ¹³. Его волновали бедственное положение и судьба монгольских народов, поиск путей сохранения их самобытности и национальной культуры, поэтому он стал одним из активных деятелей так называемого панмонгольского движения, целью которого было объединение всех монгольских народов в единое государство ¹⁴.

В 1920 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна командировал его в Монголию, где он прожил до 1932 г. Жамцарано участвовал в разработке теоретических вопросов партийного строительства и был одним из главных идеологов Монгольской народной партии (с 1924 г. Монгольской народно-революционной партии), был включен в состав первого правительства, сформированного новой властью, где отвечал за деятельность департамента народного просвещения.

После победы в июле 1921 г. народной революции перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и организации научных учреждений – одному из неперемных условий экономического развития страны. Но не менее важной проблемой были сохранение и возрождение национальной культуры, языка, литературы, истории, значи-

---

рительными правами (решающую роль играло народное правительство), в 1924 г., после его смерти, Монголия была провозглашена народной республикой.

¹¹ Цит. по: *Лиштованный Е. И.* Монголия в истории Восточной Сибири (XVII – начало XX в.). Иркутск, 2001. С. 90. Урга – так до ноября 1924 г. назывался Улан-Батор.

¹² *Выдающиеся бурятские деятели...* С. 110–111.

¹³ *Решетов.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано... С. 18.

¹⁴ О панмонголизме см., например: *Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К.* Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Иркутск, 2004; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Панмонгольское патриотическое движение // *Олон улсын монголч эрдэмтний VII их хурал.* Улаанбаатар, 1997.

тельно растраченных более чем за два века маньчжурского господства¹⁵. Для успешного решения этих задач наука и образование должны были получить государственную поддержку. Реализацией этой установки и занимался в правительстве Монголии российский гражданин Жамцарано.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось создание по совету Ольденбурга¹⁶ *Судар бичгийн хүрээлэн* – Книжной палаты, или Ученого комитета, Монголии¹⁷. Решение о его организации было принято монгольским правительством 9 ноября 1921 г. Председателем комитета был избран О. Жамьян¹⁸, ученым секретарем – Жамцарано. Они персонифицировали два основных направления в деятельности Учкома. Жамьян основное внимание уделял сохранению и изучение традиционных монгольских знаний, развитию классического монгольского образования, проводил большую работу по сбору исторических произведений и сочинений на монгольском, тибетском, маньчжурском языках, памятников истории и культуры. В разговоре с бурятским коллегой Г. Ц. Цыбиковым¹⁹ в 1927 г. он отмечал, что «...идет коллекционирование всего ценного относительно Монголии вообще, чтобы было по чему учиться молодым людям»²⁰.

¹⁵ В конце XVII в. Монголия потеряла свою независимость, попала под власть маньчжурской династии Цин. В декабре 1911 г. монгольские князья, использовав внутривластные осложнения в Китае и начало Синьхайской революции, провозгласили независимость Монголии, которую Китай отказался признавать. В ходе переговоров, в которых принимала участие и Россия, по Кяхтинскому договору 1915 г. Монголия была признана автономией в составе Китайской республики, которой она де-юре оставалась до 1946 г.

¹⁶ *Жамцарано Ц. Ж.* Жалованная грамота Сецен-хана, данная ламе Лубсан-Байдубу // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. / Отв. ред. И. Ю. Крачковский. Л., 1934. С. 186; *Ринчен Б.* На Север мы шли за знанием // Книга Братства / Сост. А. Гатов, С. Эрдэнэ. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156.

¹⁷ В официальных документах на русском языке начиная с 1924 г. практически везде название «Судар бичгийн хүрээлэн» переводится как «Ученый комитет». Этим переводом пользуется и Жамцарано в письмах к Ольденбургу периода 1924–1928 гг. Американский путешественник Р. Ч. Эндрус называет «Судар бичгийн хүрээлэн» «Scientific Committee» (*Andrews, R. Ch. The New Conquest of Central Asia*. N. Y., 1932). Также переводит это название Р. Рупен (*Rupen, R. Mongols of the Twentieth Century*. Bloomington, 1964). В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» («История Академии наук Монголии», 2002) «Судар бичгийн хүрээлэн» на английский переводится как «The Institute of Letters»; в книге *Baabar B. History of Mongolia* (Cambridge, 1999) – «The Institute of Science and Letters» (Р. 276). В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться «Шинжлэх ухааны хүрээлэн», в современном традиционном русском переводе – «Комитет наук», по аналогии с Академией наук. (В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» по-английски он назван «The Institute of Sciences»). В 1961 г. на его базе была создана Академия наук Монголии.

¹⁸ Онхудын Жамьян (1864–1930) – монгол, в свое время известный в Урге учитель. Около двух лет у Жамьяна учился будущий лидер монгольской революции Д. Сухэ-Батор. (*Рощин С. К.* Политическая история Монголии. 1921–1940. М., 1999. С. 66). Современники отмечали его высокую образованность. Он хорошо знал рукописную литературу монголов и «ревностно заботился о ее собирании и сохранении». (*Шастина Н. П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства... С. 201).

¹⁹ Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1973–1930) – тибетолог, монголовед, бурятский государственный деятель.

²⁰ *Цыбиков Г. Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды. В 2 т. / Отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск, 1991. Т. 2. С. 123.

Выделяя это направление деятельности монгольского научного учреждения, академик Владимирцов после поездки в Улан-Батор в 1925 г. отмечал, что

в настоящее время Ученый комитет обладает очень важным собранием монгольских сочинений, рукописных и печатных, которое превосходят лишь коллекции, имеющиеся в Ленинграде. В библиотеке монгольского Ученого комитета имеются такие уникальные вещи, которых нет больше ни в одном собрании и которые полностью меняют наше представление о монгольской письменности. Следует признать теперь, что Урга стала центром нахождения монгольских сочинений – рукописей и ксилографов, без знания которых специалисты в этой области могут работать лишь с трудом²¹.

Кроме исторических хроник в библиотеке Учкома хранились также научные труды по астрономии, математике, медицине²².

Второй важнейшей задачей Учкома, выполнение которой взял на себя Жамцарано, являлось распространение европейских знаний в стране. Монголии, ставшей на путь коренных социальных преобразований, была жизненно важна «прививка западной науки». Жамцарано в письме иркутскому профессору В. И. Смирнову в апреле 1924 г. отмечал: «Работает Учком только около двух лет, причем главное внимание приходится уделять распространению европейских знаний в школах и народе»²³.

В научно-административной работе Жамцарано учитывал опыт РАН и в качестве образца использовал присущие ей формат государственного учреждения и организационную структуру. При этом он опирался на советы и поддержку Ольденбурга²⁴, который активно помогал своему ученику и старался выволить его из национальной рутины и втолкнуть в международную жизнь науки²⁵.

О стремлении Жамцарано применить опыт Российской академии наук свидетельствует описание годовичного заседания Учкома, состоявшееся 10 февраля 1924 г., в дневниках Козлова. На заседании Жамцарано изложил свою концепцию дальнейшего развития Ученого комитета, в которой было представлено

все то, что в совокупности, – пишет Козлов, – поставило бы отсталую Монголию в ряд с Россией. Таких последовательных, систематически

---

²¹ Цит. по: *Лиштованный Е. И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ, 1998. С. 64.

²² Например, в Учкоме хранилась первая работа по астрономии и математике на монгольском языке «Сочинения о координатах» («Сольбицан барих бичиг») (1712). См.: *Барановская Л. С.* Из истории монгольской астрономии // Труды института истории естествознания и техники. Т. 5. История физико-математических наук. М., 1955. С. 321.

²³ Национальный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. Х. 31.

²⁴ Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма Жамцарано к Ольденбургу: Жамсраны Цэвээн (1880–1942)... С. 164–191; *Решетов А. М.* О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах.* 1998. Вып. 2–3. С. 60–84; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

²⁵ *Алексеев.* Наука о Востоке... С. 15.

вытекавших один из другого, набралось около сорока вопросов [...] Среди этих пунктов – создание музея. Как здесь не вспомнить, – замечает путешественник, – что у истоков РАН стояла знаменитая Кунсткамера ²⁶.

Естественно-историческому музею как первой ступени накопления знаний о природе и истории страны, как научной лаборатории Жамцарано в своей работе уделял большое внимание. Пополнение фондов музея вскоре стало одним из обязательных условий работы всех иностранных экспедиций на территории Монголии. Самыми ценными поступлениями стали археологические находки, обнаруженные Монголо-Тибетской экспедицией Козлова в 1924–1925 гг. в захоронениях хунну в горах Ноин-Ула и палеонтологический материал, собранный на территории Монголии в 1922–1925 гг. американской Центральноазиатской экспедицией Р. Ч. Эндруса.

Жамцарано развивал и другую традиционную форму деятельности научных обществ – избрание в их ряды в качестве почетных членов иностранных ученых. Первыми почетными членами Учкома стали Козлов (1924) – «учитывая [...] заслуги в многолетних фундаментальных исследованиях Монголии и Тибета, в знак глубокого уважения»; Владимирцов (1924) – «руководствуясь желанием установить контакты со всеми светлыми умами мира», поскольку «такое избрание поможет в организационном и кадровом укреплении [...] молодого научного учреждения»; Ольденбург (1925) – «особо почитая глубокие научные знания» российского ученого, Учком надеялся, что новый почетный член «поделится своими научными знаниями» ²⁷, французский востоковед и монголовед П. Пеллио и др.

Одной из самых трудных задач, которые приходилось решать Жамцарано в первые годы деятельности Учкома, была проблема национальных научных кадров. Он был обеспокоен преобладанием политпросвета в образовании, получаемом в Коммунистическом университете трудящихся Востока молодыми монголами ²⁸. «Москва готовит политработников», – жаловался он в письме Ольденбургу и выражал надежду, что Ленинград сможет «дать людей эво-

²⁶ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. ... С. 127. Музей при Учкоме официально был создан осенью 1924 г. Его первыми коллекциями стали собственные собрания Учкома и научно-художественные предметы из дворца умершего последнего монгольского Богдо-гэгэна. В дальнейшем коллекции учкомовского музея были перераспределены между Музеем естественной истории и Музеем истории Монголии.

²⁷ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. М.; Улаанбаатар, 1975. Т. 1. 1921–1940. С. 91, 117.

²⁸ В августе 1922 г. первые 13 монгольских граждан прибыли в Москву для учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в 1924 г. в Верхнеудинск (с 1934 г. Улан-Удэ), в советско-партийную школу направили 10 студентов. В дальнейшем основными центрами обучения монголов были Иркутск и Верхнеудинск. В Иркутском университете в 1926–1932 гг. работали курсы для подготовки к поступлению в вузы в СССР, которые окончили 70 монгольских юношей и девушек. С 1930 по 1940 г. в Верхнеудинске действовал рабочий факультет для обучения монгольской молодежи, который закончили около 400 монголов. (Ганжуров В. Ц. Русский язык в Монголии: реальность и перспективы // Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Материалы международного круглого стола. Улан-Батор, 2008. С. 127). В академические учреждения, в аспирантуру по соглашению с АН СССР также направляли монгольскую молодежь. Но учиться в академической аспирантуре смогли только единицы, и, как правило, в будущем они становились

люционной культурной работы и, если возможно, ученых»²⁹. В этой связи в 1924 г. туда были командированы 18 человек «для усвоения общего образования, языка и потом специализации». Надо сказать, что ожидания Жамцарано оправдались. Из числа монгольских студентов, обучавшихся в Ленинграде, в частности, в Азиатском музее, вышли первый монгольский академик Б. Ринчен³⁰ и один из основоположников современной монгольской литературы поэт Д. Нацагдорж.

Жамцарано прикладывал много сил, чтобы «привить науку к жизни»³¹, для чего было необходимо показать, что наука имеет важное для государства прикладное значение. Поэтому он активно включился в организацию всестороннего изучения природных особенностей и ресурсов Монголии. Весьма скромные финансовые возможности, слабая материальная база, недостаток (а практически отсутствие) специалистов не позволяли широко развернуть работу в этом направлении. Понимая, что собственными силами задачи, поставленные перед Учкомом, не решить, Жамцарано активно развивал международные связи комитета. В уже упомянутом письме Смирнову он писал: «Принципиально Учком всякое сотрудничество иностранных научных сил может только приветствовать...»³²

Однако широким контактам Учкома препятствовала в первую очередь неопределенность международного положения Монголии: ее провозглашенная в 1911 г. независимость от Китая оставалась нелегитимной и была признана только СССР³³. Учитывая это обстоятельство, а также географическое соседство и глубокие исторические связи, в сентябре 1922 г. руководители Учкома обратились к Ольденбургу с официальным письмом, в котором просили Академию наук рассмотреть возможность научного сотрудничества и оказания Учкому научно-методической и кадровой помощи в исследовательской работе.

Ольденбург при первой возможности откликнулся на просьбу своего коллеги и друга и летом 1924 г. командировал за счет средств Монголо-Тибетской экспедиции Козлова археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровку, минералога В. И. Крыжановского и почвоведом Б. Б. Плынова для оказания помощи экспедиции и Учкому.

крупными учеными (например, академик Ц. Дамдисурэн учился в 1934–1938 гг. в Институте востоковедения. Там же в это время учился историк Г. Мерген, арестованный в 1937 г.).

²⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 70.

³⁰ Бямбын Ринчен (1905–1977) – филолог, этнограф, писатель, один из крупнейших исследователей старинной монгольской литературы. Много сделал для популяризации знаний о Монголии на Западе. Об учебе в Ленинграде см.: *Ринчен Б.* На Север мы шли за знаниями // Книга братства... С. 150–162. В Улан-Баторе памятник Ринчену стоит около Монгольской государственной библиотеки, на месте, где ранее стоял памятник И. В. Сталину.

³¹ *Ольденбург С. Ф.* Работа Российской академии наук за последние три года. 1917–1919 // Наука и ее работники. 1919. № 1. С. 6.

³² Национальный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. Х. 31.

³³ Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в 1925–1928 гг. (период «правого курса» в истории современной Монголии (см.: *Роулин.* Политическая история Монголии...) пытались развивать научные, технические и торговые связи с Германией, Францией, Америкой. См., например: *Baabar, B.* History of Mongolia. Cambridge, 1999. P. 276–277; *Rupen.* Mongols of the Twentieth Century... *Wolff, S.* Mongols in Western Europe in 1925–1929 // *Man.* 1945. Vol. 45. P. 41–42.

Проанализировав первые результаты проведенных работ и особенности их организации, сопоставив планы приехавших российских ученых и потребности Ученого комитета, Жамцарано в письме от 2 октября 1924 г. представил Ольденбургу свои соображения по поводу характера помощи, необходимой Учкому со стороны Академии наук³⁴. Следует отметить, что в этом вопросе возникли некоторые расхождения. Жамцарано просил командировать специалистов в различных отраслях знаний для работы как на летний экспедиционный сезон, так и, что было бы предпочтительней, на более продолжительное время. Во-первых, был необходим «археолог, он же палеонтолог», который бы вел исследования по поручению Учкома, руководил и контролировал работы «не совсем специализированных» монгольских исследователей, а также был бы экспертом монгольского правительства, обеспокоенного вывозом археологических и палеонтологических находок, сделанных на территории Монголии иностранными экспедициями. Во-вторых, Учкому был необходим «геолог по части полезных ископаемых». Учитывая местные особенности – отсутствие научного сообщества, библиотек и музеев – такой ученый, по мнению Жамцарано, должен был быть «не только спец своего дела, но человек энциклопедического характера, простой, без лишних претензий, чуткой души». Однако, как оказалось, сотрудников Академии наук, желающих на долгий срок поехать для работы в Улан-Батор, не нашлось: в России они могли решать свои исследовательские проблемы в более комфортных и материально обеспеченных условиях, чем могло предложить монгольское правительство.

Для российских ученых работа в Монголии представляла интерес, прежде всего, как способ получения новых данных для систематизации результатов, полученных еще дореволюционными экспедициями. В качестве помощи монгольской стороне предполагалось вносить в планы собственных работ дополнительные задачи, в которых был заинтересован Учком, и для их выполнения в состав российских экспедиций включать его сотрудников. Такой характер сотрудничества стал основным на протяжении 1920-х гг.³⁵

Одним из самых важных, на наш взгляд, результатов деятельности Жамцарано в Учкоме является разработка закона «Об охране памятников старины», который ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых иностранными экспедициями и учеными. Благодаря ему Монголия стала первой восточной страной, где на государственном уровне оберегалось ее культурное и историческое наследие. О новом законе Жамцарано сообщил Ольденбургу:

Недавно опубликован монгольским правительством закон «Об охране памятников старины» [...]. Все памятники древности объявлены национальной собственностью и к вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета³⁶.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

³⁵ Командировки российских ученых для работы в Учкоме продолжительное время стали практиковаться с конца 1920-х гг., но в основном направлялись востоковеды. Специалисты других научных направлений начали работать в Учкоме с 1940-х гг.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69. Закон был принят 5 сентября 1924 г. В начале 1925 г. он был опубликован в виде брошюры на монгольском, русском и английском языке (*Low Protecting Remains of Antiquity*). Экземпляр, присланный Ольденбургу, хранится в ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1–1925. Л. 80–90.

Жамцарано твердо отстаивал интересы Монголии, невзирая на авторитет и известность иностранных ученых. Первыми исследователями, к которым был применен этот закон, были Козлов и Эндрюс: сенсационные археологические находки одного и палеонтологические другого, собственно, и стали поводом для его принятия. С каждым из них был составлен договор, в котором определялись условия вывоза из страны собранных коллекций. Благодаря действиям Жамцарано музеи Улан-Батора сегодня обладают уникальными археологическими и палеонтологическими коллекциями, собранными на территории Монголии.

По приглашению Ольденбурга делегация Учкома, возглавляемая Жамцарано, осенью 1925 г. приехала в Ленинград для участия в праздновании 200-летия Академии наук. Здесь он обсудил с Ольденбургом дальнейшие направления сотрудничества. Его просьбы и предложения были учтены при планировании деятельности тогда еще правительственной Монгольской комиссии (с 1927 г. она была переведена в структуру Академии наук), заместителем председателя, а затем председателем которой был Ольденбург³⁷.

Много усилий Жамцарано прикладывал для того, чтобы сделать Монголию привлекательной для работы российских ученых. Если нет желающих приехать на продолжительное время, то можно приехать в Улан-Батор, «поработать, направить и руководить после из Ленинграда» – предлагал он на рассмотрение еще один вариант, подчеркивая, что важна «работа для Учкома, но не обязательно при Учкоме». В 1927 г. в Монголию планировал приехать Ольденбург. С большой радостью его ученик воспринял это известие и обещал всемерную помощь в работе, несмотря на тяжелое финансовое положение Учкома (смета на 1927 г. была «оглушительно мала»). Одновременно с преувеличенной скромностью, свойственной монголам, он признавался в письме Ольденбургу:

Вашего приезда я немножечко боюсь, как на экзамене ученик перед учителем. Ничего не успел и не успею создать. Учком – жалок, не встал на ноги!!! И наше ничтожество, боюсь, огорчит, опечалит сердце Ваше³⁸.

Визит Ольденбурга по разным причинам не состоялся ни в 1927 г., ни в 1928 г., что очень расстроило Жамцарано: «Я был оглушен, потому что так сильно хотел Вас видеть и поговорить о многом, многом»³⁹. Безусловно, Жамцарано не хватало живого общения с Ольденбургом и как с ученым-востоковедом, и как с крупнейшим организатором науки в Советской России. Ему требовались его поддержка и советы здесь, на месте, чтобы Ольденбург увидел реальное положение дел в Учкоме и, возможно, используя свой авторитет в монгольском правительстве, помог бы решить его насущные проблемы.

Развитие сотрудничества между Учкомом и АН СССР требовало правового обеспечения работ академических экспедиций и сотрудников в Монголии.

---

³⁷ См.: Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.

³⁸ Цит. по: Решетов А. М. Письма Ц. Ж. Жамцарано к Б. Я. Владимирцову // Orient. Альманах. 1998. Вып. 2–3. С. 78.

³⁹ Там же.

С этой целью 5 октября 1929 г. в Улан-Баторе был подписан первый официальный договор между АН СССР и Ученым комитетом Монголии. В его подготовке основная роль с монгольской стороны принадлежала Жамцарано и его подпись как представителя Учкома удостоверяет этот документ. Работа над договором шла в непростой для научных учреждений двух стран период их взаимоотношений с государством. Сфабрикованное осенью 1929 г. так называемое «академическое дело», последовавшие затем «чистки» и репрессии академического сообщества коснулись и Монгольской комиссии. Самым серьезным ударом для Учкома стало отстранение в ноябре 1929 г. от должности непременного секретаря Академии наук и председателя Монгольской комиссии Ольденбурга.

В Монголии в 1929 г., после VII съезда МНРП, где был осужден так называемый «правый уклон» в партии, его лидеры – представители национально-демократических сил страны, сторонники умеренного, «эволюционного» развития Монголии, представители, в основном, монгольской интеллигенции, были отстранены от власти. На ключевые партийные и государственные посты пришли так называемые «левые», приверженцы радикальных мер и методов социального переустройства Монголии. Накалялась обстановка и вокруг Ученого комитета, о чем с горечью Жамцарано 13 июля 1929 г. сообщил Владимирцову:

В настоящее время Учком переживает такое же кризисное состояние, какое испытала и Академия наук. Что станет в конце концов от Учкома – Аллах ведает. Останемся ли я лично и Жамьян-гун – неизвестно. Есть надежда, что Учком как научно-исследовательское учреждение будет сохранен, но будет подвергнут радикальной организации в личном составе и в смысле сближения с революционной общественностью⁴⁰.

Предчувствия его не обманули. В конце 1930 г. как один из лидеров «правых» Жамцарано был снят с должности ученого секретаря и до отъезда в Ленинград в 1932 г. работал его рядовым сотрудником, «ученым переводчиком». В этом же году после смерти Жамьяна новым председателем Учкома стал А. Амар⁴¹, бывший премьер-министр Монголии, отстраненный от высших государственных постов также за приверженность «правым» идеям.

Жамцарано не мог спокойно смотреть как рушится дело его жизни – Ученый комитет, – душой которого, по определению российско-польского востоковеда В. Л. Котвича, он являлся⁴². Он видел будущее Учкома только в тесном сотрудничестве с Академией наук и даже разработал план его спасения, который хотел с помощью Владимирцова донести до Ольденбурга. Позволим себе привести большой отрывок из его письма, который, на наш взгляд,

⁴⁰ Там же. С. 86.

⁴¹ Анандын Амар (1886–1941) – монгольский государственный деятель, до 1928 г. возглавлял (в разные годы) МИД, МВД, МНХ, премьер-министр МНР (1928–1930; 1936–1939), председатель Комитета наук МНР (1930–1932), председатель Президиума Малого Хурала (1932–1936). Автор одной из первых «Историй Монголии» (Улан-Батор, 1934). Арестован в 1939 г., отправлен в Москву, где был расстрелян.

⁴² Котвич В. Л. Среди монгольских племен // Восток. 1923. Кн. 2. С. 121.

в полной мере отражает драматичность ситуации и искреннее беспокойство Жамцарано за судьбу науки в Монголии:

Чтобы спасти собранные культурные ценности и чтобы научно-исследовательская деятельность Учкома стала прочной, я в согласии с другими товарищами, остановился на мысли теснее связаться с Академией наук и, если можно, образовать нечто вроде акционированного научного учреждения. В какой форме и на какой срок, в каком соотношении средств, людей, прав и обязанностей должна быть создана такая «смычка», точно не представляю [...] Быть может, самое лучшее, если Академия наук или Институт буддологии⁴³ откроет свой филиал и путем договора установит тесный контакт с правом руководства и инструктирования научной деятельности Учкома до тех пор, пока из среды самих монголов не появятся свои квалифицированные научные сотрудники. Примерно на 15–20 лет⁴⁴.

Необходимость координации работ с Академией наук, к счастью, поняли новые руководители Учкома, и, хотя «акционированное научное учреждение» не было создано, тесная связь с Академией наук, с ее Монгольской комиссией осуществлялась на протяжении всего периода становления национальных научных институтов. До сих пор российско-монгольское научное сотрудничество является одним из активно развивающихся направлений международной деятельности РАН.

Жамцарано как ученый секретарь государственного научного учреждения строил свою административно-организационную работу, как правило, в рамках господствующих идеологических установок. Но он был слишком яркой фигурой на беспокойном монгольском политическом небосклоне 1920-х – начала 1930-х гг., чтобы пришедшие к власти левые радикальные силы не отреагировали на его политические взгляды. Жамцарано был обвинен в идеализации особого пути социального развития Монголии⁴⁵ и в 1930 г. исключен из МНРП. И хотя в 1931 г. в специальном письме, направленном в ЦК партии, он вынужден был признать свои политические «ошибки», жить в Монголии ему становилось все труднее. Этот сложный период жизни Жамцарано помог преодолеть его учитель.

Ольденбург как директор Института востоковедения АН СССР 21 апреля 1932 г. вместе с ученым секретарем института А. А. Алимовым обратились к неперемennomу секретарю Академии наук академику В. П. Волгину с просьбой ходатайствовать перед Монгольским комитетом наук (так с 1930 г. стал именоваться Учком) о командировании Жамцарано в Ленинград для работы в Институте востоковедения в качестве научного сотрудника. Необходи-

---

⁴³ Речь идет об Институте буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР, который был организован в 1927 г., а в 1930 г. вошел в состав Института востоковедения АН СССР.

⁴⁴ Цит. по: *Решетов*. Письма Ц. Ж. Жамцарано к Б. Я. Владимирцову... С. 86.

⁴⁵ Жамцарано, говоря о будущем Монголии, призывал учитывать специфику развития страны, значение буддийской религии в монгольском обществе, отсталость монгольской экономики и ведущую роль в ней скотоводства, в связи с чем выступал против наметившихся крайностей в социальных экспериментах «левых» по притеснению монастырей и попыток проведения насильственной коллективизации аратов.

мость его приглашения мотивировалась расширением работ по Монголии, а Цыбен Жамцаранович Жамцарано является, как указывал Ольденбург, одним из крупнейших специалистов в этой области не только в Монголии, но и в мире. Причем Ольденбург не скрывал, что у Жамцарано были «политические ошибки». Но они, убеждал он Волгина, «послужили уже материалом для оценки» его деятельности «со стороны методологических и политических установок»⁴⁶.

Несмотря на «небезупречную репутацию», Жамцарано был принят в Институт востоковедения, в Монгольский кабинет, которым в это время руководил его хороший знакомый, неоднократно бывавший в Монголии, профессор Н. Н. Поппе. Его коллегами по работе вновь стали Б. Я. Владимирцов, Ф. И. Щербатской, В. М. Алексеев и др. известные ученые. Пять лет, проведенные в Ленинграде, были очень продуктивными для Жамцарано в творческом плане. Об этом свидетельствует присуждение ему в 1936 г. степени доктора литературы «за выдающиеся, пользующиеся мировой известностью труды по фольклору бурят и монголов»⁴⁷. Но все его планы рухнули 11 августа 1937 г., когда монгольский гражданин Цыбен Жамцаранович Жамцарано был арестован по обвинению в руководстве диверсионно-повстанческой организации с целью создания единого Монгольского государства под протекторатом Японии. Таким роковым образом ему отозвалось участие в панмонгольском движении.

Трагические события разворачивались и в Монголии, где под прямым давлением советского руководства и Коминтерна также начались массовые репрессии. И здесь не обошлось без чистки научного сообщества, только начавшегося в Монголии формироваться. Пересмотру подлежала вся деятельность Учкома (Комитета наук), поскольку

возглавляемый врагом народа Жамцарано Ученый комитет почти с самого начала своего существования стал местом, где свили себе гнездо реакционные силы [...] По линии научных исследований в целом и изучении природы в частности, враги делали ставку на отвлеченную академическую науку, оторванную от жизни и насущных потребностей растущей страны, тормозя этим движение страны вперед, отвлекая внимание, силы и средства от насущных задач времени⁴⁸, –

отмечалось в отчетном докладе президиума Комитета наук за 1937 г.

Обвинительное заключение по делу Жамцарано было принято в апреле 1939 г. Он был приговорен к пяти годам тюремного заключения, но не смог пережить выпавших на его долю испытаний и 14 мая 1942 г. скончался в Соль-Илецкой тюрьме Оренбургской области⁴⁹. Несмотря на реабилитацию

⁴⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 3. Д. 224. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Л. 26.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8. Л. 17–18.

⁴⁹ Подробно о ходе следствия по делу Жамцарано впервые подробно рассказал Решетов, который получил возможность познакомиться с документами следствия в архиве Санкт-Петербургского управления Федеральной службы безопасности РФ. *Решетов*. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано... С. 5–55.

в декабре 1956 г., в СССР его имя как одного из организаторов монгольской науки, бурятского и монгольского общественного и политического деятеля долгие годы замалчивалось, что было связано со спецификой советской идеологии и с недоступностью архивных материалов, которые позволили бы раскрыть эту сторону его жизни. При этом его научное наследие разрабатывалось и публиковалось и в Монголии, и в СССР, прежде всего в Бурятии. Первой статьей, в которой затрагивалась его научно-организационная и политическая деятельность, стала публикация американского монголоведа Р. Рупена⁵⁰, появившаяся в 1956 г. Новый период в изучении жизни и деятельности Жамцарано начался после конференции, посвященной 110-летию со дня его рождения, которая прошла в 1991 г. в Улан-Удэ. Возможность работать с ранее закрытыми документами позволила приступить к всестороннему изучению его личности. Однако если его научное творчество и роль в политической и общественной жизни Бурятии и Монголии оценены по достоинству, то подвижническую деятельность Жамцарано как организатора науки в Монголии и инициатора сотрудничества между Учкомом и РАН (АН СССР) еще предстоит рассмотреть и оценить.

---

⁵⁰ *Rupen*. Cyben Zamcaranovic Zamcarano... P. 126–144.